

ОМЕРШ —
спецназ Сталина

ОДИН ПРОТИВ АБВЕРА

*Александр
Тамоников*

Александр Александрович Тамоников
Один против Абвера
Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37934849
Один против Абвера: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-096881-7

Аннотация

1943 год. Окруженная под Смоленском немецкая группировка неожиданно прорвала кольцо и вышла из-под удара. Советское командование уверено: немцам кто-то помог, указав слабое место в нашей обороне. На поиски вражеского агента прибыла группа армейского отдела контрразведки СМЕРШ под командованием капитана Алексея Саблина. Оперативники выясняют, что во время оккупации в районе активно работала разведшкола Абвера. Некоторые из ее выпускников впоследствии внедрились в действующие части Красной Армии. Саблин узнает кличку немецкого шпиона и определяет круг подозреваемых. Дело за малым – выявить предателя и взять его живым...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Тамоников

Один против Абвера

© Тамоников А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

Глава 1

28 апреля 1943 года немцы контратаковали. Они опять сделали это на рассвете. Бронированный кулак из полутора десятков «Тигров» и «Пантер» ударил южнее городка Ненашев. Танки в камуфляжной расцветке выезжали из леса и устремлялись через поле к деревне Коптянка. За ними густо шла пехота.

Удар оказался стремительным, внезапным. Мотоциклетные подразделения на левом фланге смяли жидкие заслоны красноармейцев, оседлали дорогу, соединяющую Коптянку с селом Ситным, и устремились на соединение с основной группой.

Котел в районе Ненашева, в котором были заперты два потрепанных пехотных полка 9-й армии, остатки танковых частей и штаб разгромленной дивизии, просуществовал две недели. Капитулировать немцы отказались, несколько раз пытались вырваться, но откатывались обратно.

Ситуация складывалась странная. Добить противника в Ненашеве Красная армия не могла. У нее не хватало сил, резервы еще не подошли. Сам городок и окрестные леса были окружены. Они по несколько раз в день обстреливались из

орудий, чтобы противник не смог перегруппироваться.

Немцы огрызались, но у них кончались боеприпасы, не говоря уж о полном упадке боевого духа. До застывшей линии фронта было четыре километра, но и там германское командование не могло собрать достаточно сил, чтобы вызволить своих окруженцев.

И вот сегодня немцы снова пошли на прорыв. Они ударили на оголенном участке, где пыль им в глаза пускала бу-тафория. Это были макеты пулеметных гнезд, неисправные орудия и танки, сколоченные из фанеры.

Стрелковый батальон, прикрывающий этот участок, был скрытно выведен с позиции днем ранее. Он заткнул дыру севернее райцентра Бутово. Замена ему не подошла.

Именно в этот момент немцы и ударили сразу всем, что имели. Они работали оперативно, не дожидаясь, пока советское командование перебросит сюда силы с других участков. Несколько сотен пехотинцев валом шли за танками, которые лихо давили траншеи с бутафорией.

Отделение красноармейцев, призванное имитировать наличие войск, пыталось оказать сопротивление. Поздно проснулись! Танковые пулеметы расстреливали их в упор.

Последний боец за миг до смерти успел бросить связку противотанковых гранат под гусеницу «Тигра», утюжащего траншею. Стальная махина остановилась, окуталась дымом. Взрыв повредил ходовую часть, разлилось топливо.

Откинулись люки на башне. Члены экипажа в черных

комбинезонах прыгивали на землю. Последний не успел – детонировал боекомплект. Стальной гигант полыхнул как факел. Горящий танкист катался под гусеницами, истошно орал. Никто из товарищей не бросился его спасать. В этом уже не было никакого смысла.

На исход операции это не повлияло. Танки миновали траншею, шли по полю, набирая скорость. Пехотинцы укрывались за тяжелой техникой. Танкисты вели огонь по окраинным избам Коптянки. Они разлетались как картонные коробки. Пламя быстро охватывало дворовые постройки. Спасались бегством немногочисленные местные жители. Танки уже катили по деревенской улице.

Несколько красноармейцев выбежали на дорогу, все полуодетые, оторопевшие. Одного убило сразу, другие залегли в придорожной канаве, стали отстреливаться. Головной танк сменил направление, гавкнула пушка. Взрывом накрыло горстку людей.

На южную опушку выезжали трехтонные грузовики «Опель-Блиц», набитые солдатами, не участвующими в бою, ранеными, штабными офицерами. Машины выбирались на дорогу, устремлялись в коридор, пробитый танками. Маленькая деревня пылала как большой пионерский костер.

Из уцелевшей избы на западной окраине Коптянки выбежал молодой взъерошенный лейтенант. Он ночевал у своей зазнобы, с которой познакомился днем ранее. В спину ему

неслись испуганные женские крики. Он впрыгнул в сапоги, проигнорировав портянки, застегивал на бегу гимнастерку. Ревели двигатели тяжелых танков, рвались снаряды, пылал соседний дом.

Лейтенант метался по двору как обезглавленный петух. Он кинулся к калитке, распахнул ее и попятился, увидев вражеское войско, несущееся по дороге. Этот парень головой отвечал за данный участок!

Лейтенант кинулся обратно во двор, метнулся к «газику», ночевавшему у дровяной поленницы, собрался сесть за руль, но передумал. Он не был трусом, да и понимал, что поздно спасаться бегством.

Лейтенант выволок с заднего сиденья ручной пулемет Дегтярева образца 1927 года, схватил два дисковых магазина на 47 патронов. Руки тряслись, не слушались его. Он кое-как пристроил под мышку пулемет, уцепил магазины и бросился в дом.

– Матрена, в подвал, живо! – выкрикнул офицер дрожащим голосом. – И не выходить!

Она метнулась из спальни, вся растрепанная, перепуганная. Женщина путалась в полах ночной рубашки, что-то бормотала, хватала его за рукав, редела как на похоронах. Он оттолкнул ее, еще раз обляял.

Скрипела, гнулась лестница, ведущая на чердак. Лейтенант забросил наверх магазины, пулемет, вскарабкался сам, разложил сошки, поволок свое оружие к крохотному слухо-

вому окну. В этом грохоте никто не слышал, как он вынес стволом стекло.

Парень распластался на полу, дрожа от волнения. Горячий пот растекался по лицу вчерашнего курсанта военного училища, щипал глаза.

Немцы вырывались из окружения практически без боя. Гремели танки, за ними бежали запыхавшиеся пехотинцы, ехали грузовики. Люди в серой форме наводнили узкую улицу.

Он ударил из пулемета, не задумываясь о последствиях. Первая очередь, пробная, вспорола землю под сапогами солдат. Вторая сбила несколько человек, разорвала брезентовый тент грузовика. Водитель получил пулю в плечо, резко крутанул баранку, и машина стала давить своих. Трещали кости, орали пехотинцы.

А пулеметчик продолжал поливать их огнем. Они валились как подкошенные. Офицер что-то каркал, размахивал «Люгером». Немцы воевать умели, источник беспокойства обнаружили быстро и открыли огонь по нему.

Но пулеметчик продолжал их косить. Через минуту он взял короткую паузу, сменил диск и продолжил свое дело.

Движение на дороге застопорилось. Грузовик съехал в кювет, перекрыл проезжую часть. Солдаты пятились, залегали. Остановился танк, дернулась, поворачиваясь, башня.

Лейтенант спешил истратить боезапас.

По левой обочине подошел второй танк, уперся в грузо-

вик, протолкнул его дальше в кювет, освобождая проезд. Башня первого танка прекратила вращение.

Молодой лейтенант не хотел умирать. Он жизни-то толком не видел! Этой ночью молодой офицер совершил преступную ошибку, бросил ситуацию на самотек, пленился пышными формами одинокой вдовушки и теперь пытался хоть что-то исправить.

Он понял, что сейчас произойдет, бросил пулемет, патронов к которому все равно не осталось, покатился на другой конец чердака. Парень рухнул в люк, загремел по лестнице и, кажется, что-то сломал. Боль рвала его от пяток до ушей.

Танк выстрелил, когда он кувыркался по ступеням. Взрывом снесло чердак. Верхняя часть дома разлетелась на куски. Все рушилось, лейтенанта завалило огрызками дерева. Он извивался, кашлял в клубах пыли, выползал из-под обломков. Вместо потолка над ним красовалось светлеющее небо.

Почему живой? Уму непостижимо!

Немецкий танкист ограничился одним выстрелом. Не до того ему было. На дороге осталось не меньше двух десятков тел. Многие еще шевелились. Солдаты хватали под мышки товарищей, которые могли выжить, волокли их на себе. Время поджимало. Бездельных они добивали или оставляли умирать в грязи. Офицеры срывали голос.

Колонна устремилась дальше. Из окружения выходили танки, пехота, грузовики, телеги, запряженные лошадьми.

Лейтенанта контузило, голова его жутко трещала. Он вы-

полз в комнату, поднялся, держась за стену. Ноги подкосились, парень снова рухнул, пополз к крышке подпола.

Под землей редела женщина. Жива, дуреха!

Лейтенант облегченно выдохнул, снова начал подниматься, поволок из кобуры табельный ТТ. Вперед, воевать дальше! Но силы его иссякли. Он потерял сознание, уронил буйную голову.

За деревней потрепанная колонна повернула на запад, двинулась вдоль речушки Илеть, в направлении села Мокрушино. За ним, прикрытым вереницей покатых холмов, проходила линия фронта.

Немцы, находившиеся на той стороне, получили соответствующую радиограмму и начали артподготовку. За излучиной реки мобильные посты красноармейцев пытались сдержать отход. Шквал огня накрыл их полуторки и мотоциклы М-72. Выжившие откатывались в поле, залегали. Колонна противника втягивалась в лесистую местность между холмами.

Для советского командования этот удар стал полной неожиданностью. Немцы прорвали кольцо там, где оно было самым тонким. Как они пронюхали? Почему атаковали именно здесь, в самый неподходящий момент?

Колонна «тридцатьчетверок», вышедшая из Карловки наперерез прорвавшимся немецким частям, попала под обстрел и была вынуждена рассредоточиться по лесу.

Передовая на этом участке была фактически оголена. С одной стороны – болота, с другой – разрушенная деревня, расположенная за холмами. Растянутая рота, макеты танков из фанеры.

Разрозненные очаги сопротивления немцы давили без остановки. Колонна стремительно уходила к линии фронта. Теперь ее прикрывала с востока лишь вереница покатых холмов.

Небольшое подразделение вермахта зацепилось за высоту, солдаты спешно рыли окопы, установили под горой минометную батарею.

Единственный способ разделаться с уходящим противником состоял в том, чтобы овладеть этой клятой высотой. Раскалились радиостанции в штабах и на позициях, ругались офицеры, допустившие это безобразие.

К этой высотке подошла усиленная штрафная рота капитана Суворова – без малого 230 штыков. Она ускоренным маршем прибыла из Черного Яра, деревушки, расположенной тремя верстами южнее.

Солдаты в гимнастерках без знаков различия, осужденные за пьянки, драки, самоволки, пререкания с начальством, перестроились в боевой порядок. До высоты, где закрепились немцы, было метров шестьсот.

– Бегом, марш! – сипло скомандовал капитан Суворов, молодцеватый офицер с щеточкой усов под носом. – Не

спать, шевелись! Взводные, ведите ваши подразделения!

Никто не знал, каковы силы противника. Наверху мелькали немецкие каски, но что с того? Они всегда мелькают, на то она и война.

У подножия холма рота залегла. Впереди покатый склон, усыпанный мелкими камнями. Куцые кусты, торчавшие кое-где, еще не обзавелись листочками. Сто метров насквозь простреливаемого пространства.

– Мужики, нам же хана, – глухо проговорил какой-то солдат. – Посекут из пулеметов, не дойдем до верха. Почему не обойти холм?

Но решение было принято впопыхах. Быстро, любой ценой добиться выполнения поставленной задачи.

Люди притихли, бледнели, сжимали зубы.

– Примкнуть штыки! – приказал Суворов. – В атаку, за Родину, за Сталина!

– Да шел бы ты лесом со своими агитками, – проворчал тот же боец. – Отец солдатам, мать твою!..

– Да уж, хлопцы, это не тот Суворов, что был когда-то, – пробрюзжал вислоусый мужик с заскорузлыми артритными пальцами. – Этот гораздо хуже.

Но солдаты поднялись и с ревом, вырывавшимся из луженых глоток, понеслись наверх. Вся рота была вооружена трехлинейными винтовками Мосина. Два ручных пулемета на всю ораву – и выживай, как знаешь. Они бежали, спотыкались, путались в полах длинных шинелей. Офицеры подбад-

ривали солдат, бежали рядом с ними, не прятались за спинами. Немцы молчали, и это было здорово.

Полсклона позади. Самые нетерпеливые штрафники вырывались вперед, орали что-то дурное, матерное.

Немцы тянули до последнего. Первой ударила минометная батарея, укрытая за холмом. Зловещий свист перешел в рев, и мины стали рваться перед солдатами, атакующими высоту. Упали несколько бойцов, пыль и дым поднялись столбами.

Второй залп оказался точнее, накрыл передовую цепь. Солдаты валились гроздьями, раненые кричали, катались по земле. Но поредевшая волна неслась по склону.

Заработали пулеметы. Немцы стреляли невозмутимо, как на полигоне. Четыре МГ-42 били почти в упор.

Остатки роты залегли метрах в тридцати от гребня холма. Огонь был невыносим, не давал продвинуться ни на метр.

Немцы все еще швыряли мины из-за холма, но это развлечение становилось опасным для них самих. Два последних взрыва грохнули недалеко от пулеметных расчетов. Уплотнился огонь из карабинов и автоматов. Немецкие солдаты меняли позиции, прицельно стреляли в штрафников, лежащих на земле.

Отступать было нельзя. Живым назад теперь никто не откатится. Большинство офицеров уже повыбило.

– Солдаты, вперед, за мной! – прохрипел раненный в руку капитан Суворов. – Три шага осталось. Ребяташки, в атаку! –

Он поднялся первым и тут же повалился навзничь.

Остальным терять было нечего. Все равно погибать! Поднялись семь десятков штрафников, побежали наверх, драли глотки, жутко матерились. Немцы методично расстреливали их. Ливень свинца косил солдат, идущих в свой последний бой. Никто не добежал до позиций противника, вырытых на скорую руку. Груда мертвых тел заполонила склон.

Усач с заскорузлыми пальцами успел швырнуть гранату и рухнул бездыханный. Взрывом изувечило двух немецких солдат, не успевших спрятаться.

Больше никому было продолжать бой. Штрафная рота легла полностью, вместе с командиром. Отползали раненые. Мертвые лежали густо – со скрюченными пальцами, распахнутыми ртами, из которых, казалось, еще неслась ругань.

Кто-то побежал назад, но далеко не ушел. Пуля прибила его к земле. Немцы продолжали кромсать тела из пулеметов, добивали раненых, уничтожали спрятавшихся.

Через пару минут стрельба оборвалась, наступила тишина. Ее нарушали лишь отдельные комментарии. Немцев удивляло, что русские столь покорно идут на убой. Почему их командованию не жалко своих солдат?

Немецкая группировка вышла из окруженного Ненашева и с небольшими потерями прорвалась за линию фронта. Она ушла туда по разбитой дороге, тянущейся вдоль болота. Все это очень походило на то, что немцы были полностью информированы о возможностях и расположении советских войск.

Через четверть часа воздух наполнился гулом и лязгом. Из ближайшего леса показались танки Т-34, выстроились в боевой порядок и устремились к высоте. Заработала дальнобойная артиллерия. Пришли в движение воинские части, окружившие Ненашев. Город был пуст.

Несколько часов в районе передовой за деревней Мокрушино шла энергичная перепалка из всех видов оружия. Советские войска на узком участке предприняли разведку боем, продвинулись метров на двести и откатились обратно. Немцы тоже попытались вклиниться севернее болот, ударили в стык стрелковых батальонов, но попали под плотный огонь и быстро отошли.

Взвод разведчиков нарвался на немцев, прорывающихся через кустарник. Тех самых, которые уничтожили штрафную роту. Они спешили, волокли на себе раненых. Пулеметы с минометами побросали на высоте – лишняя тяжесть.

Разведчики заметили немцев, когда те высыпали из кустарника, и всех до единого, включая раненых, перебили к едрене фене. Весть о побоище на высоте уже дошла до бойцов. Пленных они не брали, даже офицера накормили свинцом. Вряд ли он обладал сногшибательными военными секретами.

Линия фронта в результате этих событий не сместилась ни на метр. Советские войска заняли полуразрушенный Ненашев, прочесывали окрестные леса. К переднему краю под-

ходили свежие пехотные части, обустроивали землянки и блиндажи, устанавливали минные заграждения.

Старшие офицеры понимали, что в ближайшее время боевой активности на данном направлении не будет. Слишком оторвались обозы, подкрепления, простаивали на забитых станциях цистерны с горючим. В тыловых структурах царил неразбериха.

3 марта 1943 года Красная армия с третьей попытки освободила город Ржев. Там, где практически не осталось целых строений, а в подвалах прятались полторы сотни горожан из довоенных двадцати тысяч.

Немцы отошли в организованном порядке, реализуя свою операцию «Буйвол» по выравниванию линии фронта. Ржевский район превратился в пустыню. На подступах к городу за полтора года боев полегло не менее миллиона советских солдат. Поэтому операция по освобождению Ржева вряд ли имела шанс войти в разряд героических.

215-я и 274-я стрелковые дивизии не стали задерживаться в этом районе, двинулись на юго-запад, догоняли противника. Немцы вели арьергардные бои, в крупные драки не ввязывались.

К концу марта Красная армия срезала Ржевско-Вяземский выступ, который давно стоял костью в ее горле. Фронт отодвинулся еще дальше. Угроза со столицы была снята окончательно.

22 марта советские войска вышли на рубеж Дорогобуж – Духовщина – Спас-Деменск – и встали. Попытки дальнейшего наступления к успеху не привели. План «Буйвол» продолжал работать. На этом рубеже прочно закрепились войска группы армий «Центр». Советские дивизии встретили хорошо организованное сопротивление.

Боеприпасы им подвозили плохо. Продовольствие и горючее тоже поступали с перебоями. Базы снабжения оторвались от наступающих частей. В прифронтовом тылу работали диверсионные группы противника. Они перерезали коммуникации, взрывали мосты.

Красная армия прекратила наступление, войска зарывались в землю. Подходили танковые части, артиллерийские батареи и распределялись по линии фронта.

Уже больше месяца на передовой царило относительное затишье. Работали диверсанты, проявляла активность разведка, трудились специалисты по маскировке и саперы. Наступление зрело, но никто не знал, когда оно начнется.

Глава 2

Потрепанный ГАЗ-64 выехал из леса и по извилистой дороге стал спускаться к мосту через Илим. Эта небольшая, но быстрая речушка с крутыми берегами давала петлю по городку Ненашев и убегала на север.

Мост каким-то чудом уцелел в ходе сражений. Мутная вода обтекала массивные сваи, бурлила в запрудах из остатков гниющей растительности. Советское командование активно использовало переправу. Это был едва ли не единственный мост, сохранившийся во всем районе.

Водитель слишком резко затормозил перед ухабом. Машина подлетела, зароптали пассажиры.

– Вадим, не дрова везешь! – возмутился подтянутый капитан в застиранной полевой форме, сидевший рядом с водителем.

Автомат чуть не вырвался из его рук.

– Так и не фарфор, командир, – заявил плотно сбитый, стриженный почти под ноль старший лейтенант, сидящий за баранкой. – Да ладно, наш конь и не такую борозду сдюжит.

Лучше бы он этого не говорил! Машина сломалась, не доехав десяти метров до моста. Двигатель закурлыкал как голубь, потом чихнул и как-то подозрительно приумолк.

Старший лейтенант Пустовой, выполняющий в это утро роль шофера, давил на педаль, но она лишь без пользы утап-

ливалась в пол. Он подал машину к обочине, выключил двигатель и вопросительно уставился на старшего группы.

– Поздравляю! – заявил Алексей Саблин. – Так вот неожиданно-негаданно, да, Вадим? Ты на дорогу сегодня смотрел?

– Виноват, товарищ капитан. – Пустовой вздохнул. – Один момент. Сейчас все исправим.

– Так исправляй. – Алексей раздраженно посмотрел на часы, постучал ногтем по стеклу циферблата.

Старые часы, выпущенные трестом точной механики, имели вздорный характер, но пока еще были пригодны для ориентации во времени.

День был теплый. Офицеры сняли шинели, завалили ими пулемет.

Сзади сидели еще двое: молодой русоволосый лейтенант Геннадий Казначеев и Евгений Левторович. Этот старший лейтенант был постарше Казначеева, почти брюнет, с тонким лицом и хитрыми глазами.

Оперативная группа в полном составе. В сломавшейся машине.

– Не подготовил технику к длительной поездке, – заявил Гена Казначеев. – Будут оргвыводы. Расстреляем саботажника в воспитательных целях, товарищ капитан? Или простим на первый раз?

– Это не первый раз, – произнес Левторович напевным, почти ласковым голосом.

– Да пошли вы!.. Сказал же, все исправлю, – проворчал Пустовой, вывалился из машины, выудил из-под сиденья ржавый ящик с инструментами и поднял крышку капота.

Над «газиком» тут же поднялось густое облако табачного дыма.

День разгорался вполне приличный. Припекало солнышко, встающее над лесом. На опушке чирикали пташки.

Пустовой забрался в двигатель, гремел железом, издавал невнятные, но в целом оптимистичные крики.

Пока его подчиненные с наслаждением курили, Алексей осматривался. Мост был рядом. Его охраняло отделение красноармейцев. Пулеметное гнездо у въезда на мост, еще одно – на выезде. Автоматчики бродили по настилу, глазели по сторонам.

Переправа активно работала. Из леса, расположенного на востоке, выехали два «студебеккера». Они тащили на жесткой сцепке пушки. Газик стоял на обочине, не мешал движению. Маленькая колонна прогремела мимо, въехала на мост.

Автоматчики одобрительно провожали ее глазами. Кашляли в зловонном чаде пассажиры «газика». Казначеев мрачно пошутил про забытый противогаз, который стащил со склада. «Студебеккеры» одолели мост, въехали на горку, обросшую свежей весенней травкой, и растворились в разреженном лесу.

Потом объявилась рота солдат. Они в колонну по два выходили из леса, спускались к переправе. Парни молодые, но

уже обстрелянные, небритые, в пропыленном обмундировании. Солдаты, увешанные скатками, вещмешками, оружием, шли бодро.

Грузового транспорта в Красной армии не хватало. Многие части отправлялись к фронту пешком.

Люди топали мимо, безразлично косились на застрявший внедорожник, на праздно курящих людей в офицерской форме. Командир покрикивал на своих солдат, призывал их шире ставить ноги. Пехота спешила к месту дислокации. Замыкали колонну санинструктор с двумя заплечными сумками и пулеметчики, тянущие за собой «Максимы». Рота протопала по мосту и втянулась в лес.

На мосту стучали молотки, визжали пилы. Под присмотром автоматчиков работяги из соседней деревни чинили разбитые перила. Мужики были какие-то снулые, небритые, не первой свежести и молодости. Они двигались как сонные мухи.

– Ленивый народ, – совершенно верно подметил Левторович. – Без огонька работают.

– А что ты хочешь? – буркнул Казначеев. – Вчера был День международной солидарности трудящихся. Они явно не ударным трудом его отмечали.

Офицеры усмехнулись, опасливо глянули в затылок командиру. Капитан Саблин временами был в доску свой, ценил хорошую шутку и циничный настрой, но, будучи не в духе, мог и вспылить.

Время шло. Пустовой чуть не с ногами забрался в капот, что-то подкручивал там.

Этот район был освобожден больше месяца назад. Советская власть с триумфом вернулась сюда и стала насаждать прежние порядки. Но толку от этого пока было мало. Единственная дорога, связующая передовую с тыловым хаосом!.. Лучше бы ее привели в божеский вид.

Рабочие завершили свой нелегкий труд, испытали на прочность свежеепеченные перила и побрели на другую сторону. Они оставили после себя гору стружки.

Алексей выбрался из машины, чтобы размять кости, снова в нетерпении посмотрел на часы. Его подчиненные тоже вылезли, закурили по второму разу. Странная штука безделье. Рука сама тянется к папиросе.

– Где мы, командир? – спросил Казначеев.

– А хрен его знает, – ответил Саблин. – Где-то на Смоленщине.

– Чудесный ответ, – восхитился Левторович. – Вчера были где-то на Рязанщине, а до этого где-то на Брянщине.

– На Берлинщину пойдем, – заявил Пустовой. – До нее сушная фигня осталась.

– Ты машину сначала почини, – огрызнулся Алексей.

По мосту прогремела грязная полупанка. В кузове сидели бабы с вилами. Усталые серые лица, платочки, какие-то невыразительные мины. Они провожали глазами офицеров непобедимой Красной армии. Одна из них подалась к дру-

гой, что-то прошептала ей на ухо. Обе внезапно рассмеялись, потом смутились, отвернулись.

– Ужас! – Казначеев передернул плечами. – Страшные как фугасный заряд. Понимаю, что жизнь в оккупации их не баловала. Бабы наши, советские. Но все равно не красавицы.

– А как насчет водки? – спросил Левторович.

– Да никак, – ответил Гена. – На такую посмотришь, сразу трезвеешь. Помнишь Нину Семеновну из санчасти? – Лицо Казначеева мигом обмякло, стало каким-то беззащитным, мечтательным. – Вот это баба! Без всякой водки красивая. Правда, смотреть на нее мало, – со вздохом заключил молодой офицер. – Потрогать хочется. А как, если она на полном попечении командира медсанбата майора Хромова?

Двигатель затарахтел и тут же замолк. Пустовой ругнулся. Старший лейтенант контрразведки СМЕРШ имел неоконченное техническое образование, занимался в ОСОАВИАХИМе автоделом. Поэтому в кругах людей, не сведущих в технике, он считался чуть ли не экспертом. Но сегодня у этого мастера что-то не ладилось.

Офицеры выстроились у него за спиной, задумчиво смотрели в развернутую пасть капота.

– Не фурычит аппарат, Вадим? – вкрадчиво спросил Левторович. – Плохо, товарищ старший лейтенант. Как же вы так? Срываете важное задание командования.

– Думаю, расстрел будет обязательным номером программы, – глубокомысленно проговорил Казначеев. – Чтобы в

дальнейшем неповадно было.

– Товарищ капитан, хоть вы им скажите! – возмутился Пустовой. – Чего под руку лезут? Я вам что, автомеханик? У меня ни одной запчасты нет! Поломка – дело житейское. Она всегда может случиться.

– Ты работай, не отвлекайся, – заявил Саблин.

Двигатель с пробуксовкой завелся, неуверенно затарахтел. Пустовой уставился на него с изумлением. Он меньше всего ожидал услышать это, побежал за руль, стал дергать рычаг, газовать. Двигатель жалобно всхлипнул и заткнулся.

– Сейчас сделаю, – буркнул Пустовой. – Чуток осталось.

– Сделал дело – переделай, – назидательно изрек Левтович.

– Истинно так, – подтвердил Казначеев.

– Да тьфу на вас! – заявил Пустовой и снова погрузился в работу.

С западной стороны переправы из леса показалась полупторка с задраенным кузовом. Водитель аккуратно огибал колдобины, вел машину к мосту. Переправляться на правый берег он не стал. Полупторка съехала с дороги под мостом, прижалась к кустарнику на склоне.

Распахнулась дверь кабины, на землю спрыгнул стройный офицер в ладно сидящей форме и фуражке с синим околышем. Он что-то прокричал. Солдаты, сидевшие в кузове, отбросили тент и стали выгружаться.

Подразделение невеликое. Десять бойцов – больше в кузове полуторки не помещалось – плюс водитель и офицер. Итого двенадцать душ. У солдат пистолеты-пулеметы Шпагина, такие же синие фуражки. Они построились в две шеренги.

– Аэроплан летел, колеса терлися. А мы не ждали вас, а вы приперлися, – проворчал Казначеев, щуря глаза.

Войска НКВД по охране тыла действующей армии всегда следовали за передовыми частями. Они оберегали от немецких диверсантов коммуникации, важные объекты, конвоировали пленных, а порой и своих, по ряду причин нуждающихся в этом.

Солдаты поправляли амуницию, брали на плечо автоматы. Покрикивал усатый приземистый сержант.

Офицер вытряс папиросу из пачки, прикурил от зажигалки, с любопытством осмотрелся и отправился к мосту. Ему навстречу выдвинулся старший сержант, командовавший караульным отделением. Младший по званию козырнул, офицер небрежно ответил ему тем же.

Несколько минут они беседовали. Сержант знакомился с бумагами, предложенными его вниманию. Потом он вернул их владельцу и побежал назад. Караул устал, нуждался в замене. Пехотинцы на мосту оживились.

– Собираемся, уходим! – прокричал сержант, махая рукой. – Строиться в колонну по два!

Бойцы взвалили на плечи ручные пулеметы Дегтярева, за-

брали контейнеры с магазинами, быстро построились и двинулись на восточную сторону моста.

– Смена караула? – спросил Алексей сержанта, когда тот оказался рядом.

– Так точно, товарищ капитан, – подтвердил командир отделения. – У них приказ, согласованный с нашим командованием. Вся охрана стратегических объектов в районе поручена частям НКВД, а нас велено убрать. Да и правильно, товарищ капитан. Пусть эти ребята занимаются тем, чему их учили. Вояки из них все равно никакие.

– Только в спину своим и могут палить, – недовольно проворчал низкорослый боец со шрамом на щеке.

Он, конечно же, имел в виду заградительные отряды войск НКВД, которые в советских частях, мягко говоря, невзлюбили еще в сорок втором, когда они и появились. Было за что.

Подразделение, снятое с дежурства, ушло в лес.

Заработал мотор «газика». Пустовой наконец-то устранил неисправность. Он надменно усмехнулся, свысока взглянул на товарищей.

– Ладно, уговорил. Ты мастер, – заявил Казначеев. – Куда уж нам, узколобым. Я всегда считал, что машина едет только потому, что в ней есть бензин.

– Точно, – подтвердил Пустовой. – А самолет летит только потому, что машет крыльями. Прошу присаживаться, товарищ капитан. Можем ехать.

– Минуточку. – Саблин насторожился.

В его сторону направлялись капитан НКВД и двое солдат. Остальные брали мост под охрану. У них имелись собственные ручные пулеметы, которые они уже подтаскивали к мешкам с песком.

Впрочем, двое солдат остались в стороне, закурили. К офицерам контрразведки СМЕРШ подошел один капитан, небрежно козырнул. Он был подтянут, ладно сложен, имел сосредоточенное деловое лицо, которое портил только маленький рубец, стянувший кожу у левого глаза.

– Здравия желаю, товарищи офицеры. Требуется помощь?

– Справились уже, – сказал Саблин. – Машина заглохла, провели ремонт собственными силами. Сейчас уедем.

– Далеко направляетесь?.. – Он чуть поколебался и представился: – Капитан Знаменский, двадцать шестой отдельный полк НКВД. Выполняем распоряжение полковника Шаповалова. Данный объект имеет важное значение, поэтому мы вынуждены проверять всех, кто появляется поблизости. Прошу показать документы и огласить цель поездки.

– Вы тоже покажите документы, – сказал Саблин.

Знаменский сделал это, потом аккуратно сложил свою книжицу и убрал ее в нагрудный карман.

Алексей тоже предъявил служебное удостоверение и назвал:

– Капитан Саблин, контрразведка СМЕРШ.

– Серьезно? – удивился Знаменский, вчитываясь в документ и сличая фото с оригиналом. – Признаться, слышал,

что образовалась такая структура в недрах наркомата обороны, но вживую еще не видел ни одного ее сотрудника.

– Немудрено, – сказал Алексей, убирая документ.

Контрразведка СМЕРШ была создана две недели назад, 19 апреля, секретным постановлением Совнаркома. Начальником главного управления стал комиссар государственной безопасности второго ранга Абакумов. Он подчинялся непосредственно наркому обороны Сталину. Эта структура состояла из нескольких отделов. Саблин с подчиненными представляли третий, занимавшийся розыском вражеской агентуры.

– И вы направляетесь?.. – Знаменский как-то замешкался.

– В Ненашев, – сказал Алексей. – А вот с какой целью мы туда направляемся, даже не спрашивайте, капитан. Секретная информация. Занимайтесь лучше своими делами.

– Хорошо, не буду, Алексей Егорович. – Знаменский сухо улыбнулся, козырнул. – Не имею оснований задерживать вас и ваших людей. Счастливого пути.

– И вам удачной службы, капитан.

– Спасибо. По правде говоря, уже замаялись, неделю на ногах.

Из леса на западной стороне моста выбралась грузовая машина с красными крестами на бортах. Она шла как-то кособоко, подрагивала, передняя фара отсутствовала, крыло было смято. В кабине сидели два красноармейца в пилотках.

За грузовиком тащилась «эмка», обляпанная грязью по

самую крышу. Водитель включил стеклоочистители, но они мало помогали. Машины ехали медленно, натужно.

Офицеры расселись в оживший «газик», ждали, пока колонна пройдет по мосту. Пустовой ворчал, что умирающая старая черепаха и то ползает быстрее. Как только «санитарка» и «эмка» проехали, он вывернул машину на дорогу.

Алексей махнул на прощание Знаменскому. Тот небрежно козырнул.

Машина затряслась по накату. Мимо проплывали лица солдат НКВД в синих фуражках. Безднадежных юнцов тут не было. Все не первый день в строю, крепкие, физически развитые, умеющие обращаться с оружием. Правильно, именно такие ребята и должны охранять важный объект фронтовой инфраструктуры. Они рассредоточились по мосту, занимали подступы к нему, провожали глазами машину.

Мост остался за кормой.

«Двадцать минут потеряли, – сокрушался Алексей. – И вовсе не факт, что эта колымага не сломается снова».

Машина въехала в старый осинник, в котором поваленных деревьев было больше, чем целых. Лес умирал, новые деревья тут почти не росли. Снег давно растаял, зеленела трава, покрывались листьями деревья и кустарники.

Осадков не было несколько дней, зато до этого ливни хлестали неделю. Дорога раскисла, не сохла. Водителю приходилось ехать фактически по обочине.

Вскоре машина пошла юзом. Заднее колесо провалилось в колдобину, залитую жижей. «Газик» застрял. Пустовой манипулировал рычагом, газовал, но без всякого толку.

Пассажирам пришлось выбираться из машины и по колесу в грязи выталкивать ее на сухое место. Офицеры отдувались, крыли матом отечественные дороги и неблагоприятные погодные условия. Досталось и снабженцам.

– Что за дела, командир? – пробурчал Казначеев, счищая грязь с сапог. – Нам обувь меняют раз в полгода, обмундирование – раз в три месяца! Сменку не дают, постираться нет времени. Ходим как нищие, все зачуханные, засаленные. Посмотри, на кого мы похожи! Все дыры зашиваем сами, даже если они размером со Смоленскую область!

– А ну, хватит митинговать, – рассердился Алексей. – Все грязные, я тоже. И что теперь?.. Ложиться и не воевать, пока не переоденут? У всех трудности, не только у нас. Бойцы из окопов не вылезают, им куда хуже приходится.

– А этим вот героям из НКВД, значит, можно? – проворчал Казначеев, размазывая жидкую грязь по галифе. – У них вон все новое, с иголки.

– Стоп, Вадим!

Рука Пустового зависла над замком зажигания.

Как мокрой тряпкой по морде!

Саблин тоже застыл. Закипели, заработали извилины серого вещества. Контрразведка – не та контора, где нужно только быстро бегать и метко стрелять. Все это нисколько не

возбранається, но в первую очередь тут нужны мозги.

«Неделю на ногах, стало быть, товарищ капитан Знаменский, или как вас там? Ведь было в этих людях что-то странное, но я не стал заострять внимание. Какие-то нездешние взгляды, манера поведения, не свойственная для советских людей, пусть ты даже и подчиняешься комиссариату внутренних дел! Сапоги грязные. Это неудивительно. Сейчас они у всех нормальных людей точно такие же.

Но обмундирование!.. Оно мятое, слегка испачканное, но новое, черт возьми! На нем муха не сидела. А мятое, поскольку поставляется свернутым, в тюках. Его особо не подгоняли. Одним достался маленький размер, другим – на вырост. Автоматы тоже новые, в смазке.

Всякое бывает. Но сейчас снабженцы работают из рук вон плохо, обозы отстают, хозяйство застряло далеко в тылах. Сомнительно, что людям выдали новое обмундирование и оружие. Не до этого сейчас Красной армии. К тому же фраза про неделю на ногах, вырвавшаяся у этого капитана».

– Командир, ты подумал о том же, о чем и мы? – как-то жалобно спросил Гена Казначеев.

Пустовой нервно сглотнул. Левторович сделал круглые глаза и тоже оцепенел.

– Форма новая, ведут себя скованно, – пробормотал капитан. – Да, объект серьезный. Если его взорвать, то временно прервется снабжение значительного участка фронта пополнением и всем прочим. Охранять надо. Замена простых сол-

дат подразделением НКВД выглядит вполне логично. Но почему там капитан? Достаточно сержанта. Ведь там всего десяток штыков. Абвер работает? Немцам несложно подделать документы, сослаться на нужные начальственные персоны.

– Минуточку, товарищ капитан, – подал голос Пустовой. – Если это диверсанты, то почему они не пристрелили нас? Разве уничтожение офицеров контрразведки не пошло бы им в зачет? А если бы они еще и живым взяли кого-то из нас!..

– Могли бы, – сказал Саблин. – Черт меня побери, мужики, именно это они и собирались сделать. – В горле капитана пересохло от волнения. – Ведь было что-то в глазах у Знаменского, когда мы в машину садились. Но появилась полуторка с красным крестом, за ней «эмка». Диверсанты испугались, что будет шум. Они не знали, кто едет в этих машинах, и решили не рисковать, ограничиться своим заданием. Мужики, они одни сейчас на мосту! Заминируют переправу и взорвут ее к такой-то матери. Потом неделю восстанавливать будем. Да еще дождутся, пока колонна по мосту пойдет, чтобы и ее долбануть.

Разворачивать машину было глупо и бессмысленно. На лесной дороге, как назло, ни одной души! Трое оперативников припустили обочиной, не дожидаясь, пока Пустовой загонит газик в кусты. Он что-то фыркал за спиной, выражался от всей души.

Алексей обернулся. Пустовой вывернул с заднего сиденья ручной пулемет Дегтярева, взвалил на плечо и бросился вдогонку. Молодец, сообразил.

Ноги капитана увязали в ямах, засыпанных прошлогодней листвой, дыхание срывалось. Алексей ощущал себя на бегу.

«Так, кобура на месте, вещмешок остался в машине, в подсумке запасные обоймы и две гранаты.

А вдруг ошибка? Навыдумывал я какой-то фигни, а там вполне себе нормальные люди, советские, преданные делу партии? Эх, не набрались мы пока еще опыта, не хватает нам нюха и умения анализировать ситуации».

Он первым выбежал к опушке и сделал знак рукой. Мол, не лезьте поперек батьки. А то выскочите на пулеметы! Капитан полз, загребая листву, обломанные ветки, каких-то оживших весенних насекомых, распластался за деревом.

Вокруг моста все как на ладони. Всемирный закон невежества. На дороге никого нет. Никто не поможет.

По настилу прохаживались люди в форме солдат НКВД. Поглядывали на лес пулеметчики из-за мешков с песком.

Человек, представившийся капитаном Знаменским, находился на восточной стороне переправы. Он смотрел в бинокль. Когда окуляры повернулись на запад, Алексей пригнул голову и шикнул на своих парней, чтобы не лезли как на вокзальный буфет!

Подчиненные были с понятием. Гена и Левторович от-

ползли влево от дороги, слились с природой. Где-то сзади крихтел Пустовой, волоча пулемет. Дистанция до въезда на мост составляла метров восемьдесят.

Знаменский убрал бинокль в поясной футляр, поманил к себе сержанта. Тот послушно подбежал, щелкнул каблуками.

Все ясно. Советский солдат не будет так щелкать. Видна немецкая выучка. Он бы еще руку выбросил в фашистском приветствии!

Беседа продолжалась недолго. Сержант слушал, отрывисто кивал, потом побежал на западную сторону моста.

«Знаменский может быть и немцем, – машинально рассуждал Алексей, наблюдая за действиями противника. – Не исключено, что среди диверсантов есть таковые, но большинство наверняка составляют выпускники школы абвера, бывшие советские граждане, натасканные по программе диверсионной деятельности. Эта самая школа в период оккупации работала в Ненашеве. Страшно представить, сколько ее выпускников уже обосновались в тылу Красной армии».

Диверсионная группа приступила к работе. Сержант позвал к себе двух охранников. Те подбежали к нему, выслушали приказ и кинулись к своему грузовику. Один забрался в кузов, другой остался снаружи. К ним подоспели еще двое.

Оперативники молча наблюдали, как диверсанты выгружали из машины небольшие деревянные ящики, снабженные ручками, несколько вещмешков, набитых чем-то тяжелым. Работали они дружно, без неразберихи. Груз оттаскивали к

обрывистому берегу, чтобы не маячил вблизи дороги, прятали между кустами.

Задумка господ диверсантов была вполне понятна Алексею. Они практически по сухому месту могли добраться до первой опоры. До следующей метра три. Она уже в воде, но глубина там небольшая, и кладка выбита, имеются полости, куда можно заложить взрывчатку. Если рухнут две опоры на западной стороне, то придут в негодность и остальные пролеты. Мост уже не восстановить. Только новый строить рядом или наводить понтонную переправу. На это уйдет время.

Течение в этом месте быстрое, и река неузкая. На лодках особо не разгонишься.

В просвете между ветвями Алексей видел, как четверо диверсантов спускались к берегу. Они волокли на себе ящики со взрывчаткой и мешки с прочим хозяйством. Люди обученные, но даже им нужно время. За пять минут к взрыву не подготовишься.

Капитан скрипнул зубами.

«Одну возможность я уже упустил, – подумал он. – Надо было валить всю компанию, пока они топтались у машины. Но тоже риск. Взрывчатка могла детонировать поблизости от моста, и пошли бы клочки по закоулочкам».

Он отполз, поманил пальцем Казначеева. Тот подобрался к нему. У парня возбужденно блестели глаза. Он дышал как собака, высунув язык.

– Придется поработать, Гена, чуешь?

– Ага, товарищ капитан. Газеткой их не прихлопнуть, – согласился Казначеев. – У вас есть план? Командуйте, делаем все, что в наших силах.

План был сырой, отчаянный, только что пришедший в голову. Капитан быстро проговаривал слова, вбивал их в Генкину макушку. Тот мотал на ус, облизывал губы.

Офицеры раскатились в разные стороны.

Невозмутимый Пустовой выслушал командира молча, угрюмо, потом согласно кивнул.

Оперативники приступили к делу. Гена с Левторовичем поползли на левый фланг, углубились в лес.

Саблин пригнулся и побежал вправо, волоча за собой автомат. Он пробился через кустарник, повалился за камни, быстро отыскал глазами Пустового. Тот обретался левее, выполз на склон, пристроил там пулемет. В его поле зрения находился въезд на мост с западной стороны.

Алексей полз вниз по склону стиснув зубы, пока напротив него не оказался разрыв в кустах. Проявились две крайние опоры, махина моста. Он угнездился поудобнее, пристроил автомат.

Четверо диверсантов возились у опор, открывали ящики, что-то вынимали из них. Работали осторожно, выверенными движениями. Невысокий парень с оттопыренными ушами деловито раскручивал провод. Остальные складывали взрывчатку, спрессованную в кирпичи, на сухой бугорок.

Теперь они были ближе, всего в пятидесяти метрах. Пусть

не ворошиловский стрелок, но сбивать мишени на полигоне Алексей умел, а из пистолета в стрелковом тире выбивал одни десятки.

Он не успел подать сигнал. На дороге вдруг заработал мотор. Вот же некстати, черт возьми!

Люди на мосту тоже не страдали глуховатостью. Они пришли в движение. Кто-то пробежал, придерживая фуражку, к пулеметному гнезду. Часовые взяли оружие на ремень. Насторожились минеры под мостом, бросили работу, прижались к опорам.

С западной стороны снова показалась машина с красным крестом, теперь уже «студебеккер». Она уверенно месила грязь. Перед въездом на мост водитель сбросил скорость, что-то крикнул в открытое окно, видимо, приветствовал охрану.

Алексей поморщился. Знал бы, кого приветствует, дубина!

Охранник помахал свободной рукой, тоже что-то крикнул.

Машина прогремела мимо пулеметчика на восточном съезде, стала взбираться к лесу. Через минуту она скрылась за деревьями. Отбой тревоги!

Задвигались минеры под мостом, стали разматывать свои провода. Явственно звучала немецкая речь. Эти ребята вконец обнаглели!

Капитан отодвинул автомат, приложил ладони ко рту и

дважды крикнул, не очень громко, но достаточно отчетливо.

В лесу вне пределов видимости прогремела автоматная очередь, за ней еще одна. Там раздался истошный невразумительный крик, затем короткая ругань на немецком языке. Дважды выстрелил пистолет, снова стукнула очередь из автомата. Мастера импровизации вступили в дело, следуя сырому плану, придуманному командиром.

Всполошилась охрана моста, забегали люди в синих фуражках. Кто-то присел на корточки, наставил автомат на лес. Диверсанты быстро сообразили, что стреляют не по ним, а что там происходит – поди догадайся.

Стрельба усилилась. Снова закричал немец. Левторович неплохо знал язык, шпарил почти без акцента.

Минеры, находившиеся под мостом, оставили работу, взяли за оружие, слушали. Потом стали переглядываться, пожимали плечами.

Устроить кашу из этих тел было реально, но Саблин терпел. Те, которые останутся в живых, тоже сила. С ними нужно будет совладать.

В лесу за косогором продолжался концерт. Благо в «газике» имелся приличный боезапас.

Диверсанты томились в неведении. Что за дела? Игнорировать их? Но выстрелы звучали все ближе. Люди, которые вели огонь, подступали к опушке.

Знаменского наконец-то проняло. Он что-то выкрикнул. Пулеметчики в гнездах развернули на шум стволы, закарка-

ли как вороны. Четыре человека скинули с плеч автоматы и припустили по дороге в лес.

Что и требовалось доказать! Пусть не вся орава, но хотя бы треть таковой. Пустовой только этого и ждал. Ручной пулемет Дегтярева забился в корчах, едва эти четверо вывалились с моста и оказались на открытом пространстве. Офицер контрразведки расстреливал их едва ли не в упор.

Двое рухнули в один момент, остальные пустились врассыпную, но далеко не убежали. Один получил пулю в спину, запнулся и рухнул на землю. Другой уносился зигзагами, бросив оружие.

– Что, не по душе вам?! – заорал Пустовой. – А ты куда, морда наглая?! А ну, стоять! – Пули пропоролы спину диверсанта, он катился по инерции, подминая кустарник.

Алексей открыл огонь одновременно с Пустовым. Два минера даже спины разогнуть не успели, развалились как фанерные. Третий вскинул автомат и упал навзничь. Пули выбивали кирпичную кладку из опор, буравили воду.

Четвертый минер отшатнулся, шмыгнул за опору. В двух шагах от этого парня лежала взрывчатка. У Алексея возникло опасение, что диверсант собирается в нее выстрелить. Тот наставил автомат, но замешкался. Ему очень хотелось жить.

Вокруг царил тарарам. Пустовой все еще садил из пулемета. Теперь он перенес огонь на мост. Генка с Левторовичем перестали развлекаться и открыли второй фронт. Они с опушки помогали Пустовому утюжить мост.

На нем никого не было. Уцелевшие диверсанты затаились за ним.

Саблин старался этого не замечать. Он затаил дыхание и, преодолевая дрожь, ловил в прицел опору моста, за которой скрывался последний минер. Тот словно чувствовал, что высовываться нельзя, прятался, лишь иногда показывал ствол. Алексей сосредоточился, ждал. Весь ад куда-то отступил.

Вот что-то шевельнулось за колонной, стало высовываться из-за нее. Напрягся палец на спусковом крючке. Показалась туля солдатской фуражки. Капитан чуть не выстрелил, но спохватился.

Прием древний, затертый до дыр. Противник насадил на ствол фуражку и проверял, держат ли его на мушке. Фуражка шевелилась, показалась – и сразу спряталась рука.

Саблин ждал. Что предпримет враг, если у него отсутствует желание завершить свой жизненный путь? Рванет к кустарнику под обрывом слева от колонны, там зароется в глину, в ветки, и хрен его оттуда выцарапаешь.

Капитан отвел прицел от колонны, опять ждал. Метнулся, родимый! Какие же они все предсказуемые. Алексей урвал момент, высадил два патрона. Диверсант отлетел в воду и поплыл с раскинутыми конечностями.

Мир снова наполнился красками, шумом, событиями. Голова капитана поплыла от грохота. Пустовой выбивал последние патроны по мосту, не давал приподняться диверсантам, укрывшимся за ним. Левторович и Казначеев пострели-

вали из леса. Весь мостовой пролет был у них перед глазами.

С того места, где лежали Саблин с Пустовым, накат моста почти не просматривался. Мешали ограждение и полуторка, на которой прибыли диверсанты. Она стояла, перекосившись, уткнувшись кабиной в ивняк.

Алексей сменил магазин, выкатился из укрытия и начал перебираться к мосту. Параллельно полз Пустовой. Он отбросил пулемет, стащил со спины ППШ.

– Ты в порядке? – крикнул Алексей.

– А что, не видно? – Пустовой скалился, орал со всей мощи.

Видимо, уши у него заложило.

– Сколько их осталось?

– Откуда мне знать?!

– Давай посчитаем. Ты своих четверых уложил?

– Да.

– Вот и я столько же. Было двенадцать рыл, восемь в минусе. Значит, четверо в наличии.

Реального вреда эти мерзавцы теперь причинить не могли. Они были отрезаны от взрывчатки и машины. Им оставалось прорываться, но диверсанты с этим не спешили. Они засели на другой стороне моста, укрывались за мешками с песком и иногда постреливали оттуда.

Алексей пробежал несколько метров и залег. Дальше он передвигался ползком, мимо кустарника и полуторки, стоявшей на склоне. Он забрался за край ограждения, перека-

тился. Ему пришлось сплющиться. Пули выбивали щепки из бревенчатого наката на мосту.

– Командир, не лезь туда! – прокричал с дороги Казначеев. – Прибьют на фиг! Как мы без тебя?!

Капитан высунул голову из-за ограждения, когда стрельба оборвалась. Рядом красовалось развороченное пулеметное гнездо. Песок высыпался из мешков. Ствол ручного пулемета смотрел в небо.

Да, враги закрепились за грудой мешков на восточной стороне моста. Их было четверо, как и офицеров контрразведки СМЕРШ. Уйти в лес они пока не пытались. Сто метров простреливаемого пространства – не шутка. Но что им мешало податься на север, прикрывшись береговыми кустами?

Капитан вскочил и снова перекатился, вызывая огонь на себя.

– Командир, ты вообще нормальный? – завопил из леса Казначеев. – Куда лезешь? Уйди оттуда! Пристрелят же!

– Только не говори, что в атаку надо идти, – проворчал Пустовой, подползая к Алексею. – Полмоста не пробежим, сохнем как коровы в голодный год. Подкрепления нужно ждать, командир. Сами по себе мы ноль.

– Этого подкрепления можно ждать до второго пришествия!

Саблин грыз щепку, соображал, как ему быть.

Диверсанты перекликались на другой стороне моста. Им тоже не нравилось создавшееся положение.

– Знаменского нужно брать живьем, – процедил Саблин. – Остальных в расход. У тебя патроны к пулемету остались?

– Пусто, командир.

– Пока сиди тут. Я прикрою тебя машиной. Ты выскочишь на мост, схватишь пулемет этих упырей и запрыгнешь в кузов.

– Эй, ты что задумал? – простонал Пустовой. – Сам прикинь, нужны ли нам сейчас потери.

Но капитан уже откатывался за пределы пролета. В его голове гудел ветер. Такое случается в трудные минуты. Он выбрался из зоны поражения, побежал к грузовику, на котором прибыли диверсанты. Они со своих позиций машину не видели.

Алексей убедился в том, что в кузове пусто, бросился к кабине. Он вскарабкался на жесткое сиденье и завертелся как на тлеющих углях.

Двигатель полуторки не работал, но Саблин даже не успел испугаться по этому поводу. Ключ торчал в замке зажигания. Правильно, кто бы его отсюда спер?

Горячий пот хлынул со лба Алексея.

«Какого черта я удумал?! Ладно, прорвемся, догорай, моя лучина! Лишь бы стартер сработал».

Ему повезло. Машина задрожала, затряслась. Ее окутал зловонный смрад.

– Командир, ты что удумал? – заорал Пустовой. – Ты долбанутый на весь кочан, понял? У тебя не все дома!

Двое из леса тоже верещали, соглашались с товарищем. Но их командир и сам знал, что у него не все дома.

Машина тряслась, задним ходом выбиралась на дорогу.

– Мужики, не спите! – проорал капитан в открытое окно. – Я прикрою вас.

Захрустел рычаг переключения передач. Полный ход, вперед, к вершинам творческого роста!

Диверсанты, похоже, оторопели, когда на мост взгромоздилась их же машина. Они даже стрелять сразу не стали, растерялись. Все решали секунды.

Перед въездом на накат Алексей сбросил скорость, чтобы не разбить подвеску. Колеса перевалились на бревна. Саблин бросил быстрый взгляд в заднее окошко. Он увидел, как Генна Казначеев и Женя Левторович выкатились из леса и понеслись вприпрыжку. Именно сейчас машина закрыла их от пулеметчика.

Активизировался Пустовой. Матерщина в его исполнении стала уже не спонтанной, а вполне деловой. Машина прогрохотала мимо разоренного пулеметного гнезда.

Пустовой выпрыгнул из-за нее, стащил с мешка пулемет, забросил его в кузов, вцепился в борт и заорал:

– Гони, командир!

Вторая передача, третья. Алексей сползал с сиденья. Полуторка разгонялась. За ней, прикрываясь кузовом, бежали Казначеев с Женькой. Парни не стали отсиживаться в кустах. В кузове ругался Пустовой, разбрасывал какие-то железки.

Пелена стояла перед глазами Алексея. Приближался восточный край моста. Там метались люди. Из-за мешков ударил пулемет. Разлетелось лобовое стекло. Саблин сполз с сиденья, закрылся левой рукой.

Ливень пуль окатил капот. Его крышка вздыбилась и отвалилась. Из двигателя повалил густой дым. В клочья разлетелась покрывка левого переднего. Машина завалилась, забила о перила ограждения, ушла с дороги и понеслась на пулеметное гнездо, расположенное слева от съезда.

За секунду до столкновения загрохотал пулемет за спиной капитана. Пустовому удалось взгромоздить его на крышу кабины.

Дальнейшее Алексей помнил плохо. Машина, получившая необратимые повреждения, протаранила пулеметное гнездо, порвала, расшвыряла мешки с песком. Трещало, рушилось ограждение. Полуторка снесла его левым крылом, съехала с дороги за пределами моста, накренилась. В глаза Саблина несся куцый тальник, обрастающий первыми робкими листочками.

– Тормози, командир, расшибемся! – голосил из кузова Пустовой.

Алексей давил на тормоз, но машина не слушалась. Из капота валил густой паровозный дым. Капитан вцепился в баранку, которая вырывалась из рук, била по пальцам. Полуторка врезалась в пригорок. Ее кузов вздыбился, едва не оторвался от кабины.

Пустовой уже кувыркнулся среди кочек. Он почти не пострадал, мигом сориентировался, запрыгал к машине, распахнул дверцу.

Радужные круги носились перед глазами Алексея. Он не мог продохнуть. Боль под ребрами впечатляла. Капитан вроде бы ничего не сломал, но ударился очень душевно.

– Все в порядке, командир, – утробно проорчал Пустовой, вытаскивая его из кабины. – Наши в городе.

Они покинули накренившуюся машину и только сейчас обнаружили, что бой продолжался. Оперативники злобно орали, гнали диверсантов к лесу. Те сдуру бросились к опушке параллельно дороге и попали под огонь на открытой местности. Один уже валялся на земле, оскалив зубы. Трое пытались спасти свои драгоценные шкуры. Их преследовали оперативники, стреляли прицельно.

– Издыхайте, твари! – пафосно проорал Левторович. – Да что же вы никак копыта откинуть не можете?

Боль под ребрами становилась терпимой. Саблин ковылял, держась за отбитое место. Автомат оставался при нем, правда, ему приходилось волочить его за ремень.

Засмеялся Казначеев. Его последний выстрел удался. Заулююкал Левторович. Он тоже попал в десятку.

В канаве на склоне ворочался последний диверсант. Он не мог подняться: подвернул ногу. Чумазое лицо исказилось от ярости. Оторвался капитанский погон, недавнее новшество в Красной армии. Он уже не полз, понял, что это бесполезно,

свернулся, подобрал под себя ноги, смотрел волком.

– Снова здравствуйте, капитан, – выдавил Саблин, плотно-одно скалясь. – Как служба, как жизнь молодая? Вы неважно выглядите, совсем недавно смотрелись куда лучше.

– Да пошел ты!.. Ненавижу, сука! – Пальцы диверсанта впились в дерн, из глаз сочилась слезь.

– Милейший человек, – заметил Казначеев.

– А главное, русский, – добавил Левторович. – Как же не узнать брата Васю? Немец в критической ситуации не стал бы посылать супостата по всем канонам нецензурной лексики. Стало быть, перед нами изменник трудового народа и трусливый фашистский приспешник. Пустим его в расход, командир?

– Можно, – согласился Алексей, передергивая затвор автомата.

Знаменский задрожал. Переломился стержень, который позволял ему сопротивляться. Жизнь-то одна, другой не будет! Он застонал, закрыл лицо трясущимися руками.

– Не стреляйте, – просипел он. – Ладно, я согласен сотрудничать с вами.

– Правда? – удивился Саблин. – Тогда небольшая проверка на вшивость, господин Знаменский. Ваши настоящие имя и фамилия?

– Василий Лизгун, бывший капитан Красной армии, заместитель командира саперного батальона, Вторая ударная армия. Попал в плен год назад под Мясным Бором в Новго-

родской области.

– Ну, точно брат Вася, – злобно проговорил Левторович.

– Не попал, а сдался, – поправил пленника Пустовой. – И тут же радостно перебежал к фашистам, вместо того чтобы принять героическую смерть.

– Вот сука! – Казначеев сплюнул. – Наши тогда умирали в болотах, бились до последнего патрона, выходя из окружения, а эта тварь!.. – Он замахнулся прикладом, но бить не стал.

Саблин воздержался от комментариев.

Многих сотен тысяч не досчиталась в ту весну Красная армия. Выход из окружения 2-й Ударной армии Волховского фронта никогда не войдет в анналы героических побед. Немцы рассеяли ее, гноили в болотах. Сдался в плен сам командующий генерал Власов. Более того, он согласился сотрудничать с фашистами, создавал какую-то потешную армию для окончательного избавления многострадальной России от ига большевизма.

– Допустим, – сказал Алексей. – Последнее место учебы, господин Лизгун? Помните о том, что засчитывается только правильный ответ.

– Школа военной разведки. Она называется «Абверштелле 2-212», – проворчал, пряча глаза, приспешник фашистов. – Дислокация: город Ненашев, улица Школьная, здание бывшей средней школы номер один.

– Начальник школы?..

– Полковник абвера барон Вильгельм фон Кляйст.

– Ну, допустим, – сказал Саблин. – Хорошо, господин Лизгун, мы постараемся отсрочить ваш расстрел. Вы проживете ровно столько, сколько продлится наше сотрудничество. Поедете с нами, если, конечно, не возражаете. Казначеев, Левторович, отвечаете за этого гада головой, уяснили?

– Ага, присмотрим за скотинкой, товарищ капитан, – заявил Левторович.

Парни за шиворот вытащили пленного из канавы, связали руки за спиной его же собственным ремнем, засунули кляп в рот. И смех и грех!

Тут на опушке загремели выстрелы, слава богу, направленные в воздух. К мосту вернулось подразделение красноармейцев во главе с сержантом – то самое, которое так удачно сменила группа диверсантов. Солдаты услышали пальбу и решили возвратиться. Они бежали по дороге, растягивались в цепь, что-то кричали.

Оперативники подняли руки, чтобы не схватить дурную пулю, сжали в них раскрытые служебные удостоверения. Еще бы пехоте не впасть в прострацию! Повсюду мертвые тела в форме НКВД, растерзанные пулеметные гнезда, чадящая полуторка в кювете.

– Контрразведка! – в иступлении проорал Пустовой. – Не стрелять, мы свои!

Боец, не разобравшийся в ситуации, замахнулся прикла-

дом. Пустовой провел прием, сопроводил его всеми нужными словами. Оторопевший красноармеец повалился на землю и принялся судорожно хватать ртом воздух.

– Наши это! – прогудел сержант. – А эти тогда кто, товарищ капитан?

– А это не наши, сержант, – устало проговорил Саблин. – Диверсионная группа, понимаешь? Эти субчики оделись в нашу форму, мост хотели на воздух поднять. Взрывчатка под ним на той стороне. Вы разберитесь, сдайте ее куда следует. Нам некогда с этим возиться, спешим мы, понимаешь? Как твоя фамилия, сержант?

– Кривошеев, товарищ капитан.

– Вот и действуй, Кривошеев. Остаетесь нести службу. Никто вас не снимал, вникаешь? Фрицы бумажку подделали, а вы и повелись. Навести порядок, всех подозрительных задерживать! Тела стащите куда-нибудь, чтобы не воняли и глаза не мозолили. Напишешь рапорт своему начальству.

Солдаты рассредоточилось вдоль моста. Отовсюду доносились удивленные возгласы.

Усталые оперативники плелись по мосту, подгоняя пленного.

– Ничего себе, неплохо размялись, – пробрюзжал Гена. – К работе еще не приступали, а уже устали как собаки.

– Невероятно, товарищ капитан, – пробормотал Кривошеев, семенящий за ними. – Вы вчетвером положили всех диверсантов, одного взяли живым и при этом не потеряли

ни одного человека. Разве такое возможно?

– Какой же ты добрый, сержант, – заявил Левторович. – Хотел, чтобы потеряли, да? По твоему головоотяпству?

– Да в чем головоотяпство-то? – с испугом проговорил Кривошеев. – У них бумага была с печатями, все как положено. Мне ли не знать эти печати? Выглядели они в точности как наши. Именно войска НКВД и должны охранять коммуникации. Мы тут люди временные. Товарищ капитан, не губите! – взмолился сержант. – Не докладывайте в штабе, что мы виноваты, не подводите под монастырь. Отныне будем повышенную бдительность проявлять, прямо как на самом строгом секретном объекте.

– Доложим, сержант, обязательно, – мстительно пробурчал Левторович. – Чистеньким хочешь остаться?

– Ладно, временный, отстань, – отмахнулся Алексей. – Иди, проявляй свою бдительность. Но учти, если еще раз маху дашь, то никто тебя из беды за уши не вытащит. А вы чего лыбьтесь, товарищи офицеры? А ну, бегом к машине! Развели тут, понимаешь, комедию.

Глава 3

В итоге оперативники потеряли сорок минут, не считая времени, истраченного на починку машины. Лесная дорога одолевалась с трудом, колеса плавали в разливах грязи. Пустовой отчаянно газовал, по инерции сквернословил.

За лесом проезжая часть стала сравнительно сухой, хотя колдобин хватало и здесь. Машина не ломалась, но в задней рессоре что-то подозрительно хрустело.

Мимо пробегали поля, на которых уже наметились всходы. Там топорщилась какая-то растительность, из жухлой ботвы выбирались чахлые метелки.

– Что здесь росло? – спросил Казначеев.

– Мины, – проворчал Пустовой, поедая глазами подозрительные выпуклости на дороге. – Какая тебе разница, Гена? Война тут шла, а прежде колхозники свеклу растили или еще какую сельскохозяйственную вкусность. Ничего, скоро снова сажать начнем.

Последняя фраза Пустового прозвучала несколько двусмысленно. Впрочем, оба смысла слова «сажать» имели право на существование. Фашистов прогнали. Эта земля теперь опять наша, советская. Что хотим, то на ней и делаем.

Диверсанта Лизгуна офицеры скрутили узлом и затолкали под заднее сиденье. Он там еле дышал. Иногда Левторович пинал его ногой, проверяя, не помер ли.

– Удобно ли нашему гостю? – спросил Алексей, повернув голову.

– Да, очень удобно, товарищ капитан, – ответил Левторович. – Вы слышали хоть раз, чтобы он пожаловался? На хрена мы его тащим с собой? Думаете, эта пададь имеет важную информацию? Предъявить обвинение и привести в исполнение на месте. А то много чести, знаете ли. Он наших не жалел, а мы ему жизнь гарантируем, борщом накормим, спать уложим в отдельной уютной камере, да?

– В исполнение приводят не обвинение, а приговор, – назидательно заметил Саблин. – Обвинение можно только предъявить.

– Позвольте не согласиться, товарищ капитан, – заявил Левторович. – В нашей работе обвинение и приговор – фактически одно и то же.

Саблин промолчал. В принципе, это была правда. Оправдательных приговоров военные суды почти не выносили. Во всяком случае, такое случалось крайне редко. Социалистическая законность цвела и пахла. Если уж кого-то брали, то в худшем случае этот человек проходил все круги ада, а потом погибал. В лучшем он сразу становился к стенке. В мирное время теоретически допускались послабления. В военное никакой поблажки не было никому.

Алексей прекрасно понимал терзания сержанта Кривошеева, вина которого состояла лишь в том, что сотрудники абвера научились делать советские документы. Допустил

оплошность – отвечай.

Навстречу «газику» трактора тянули батарею двадцатидвухмиллиметровых орудий. Водителю пришлось уйти с обочины в борозду и ждать, пока колонна пройдет. Ее сопровождал конвой.

Надо же! Случись это чуть раньше, и оперативникам не пришлось бы собственными малыми силами уничтожать вражеских диверсантов.

Застонал, заворочался Лизгун. Левторович придавил его каблуком. Саблин вывернул шею и задумчиво разглядывал пленника.

Информация о школе абвера, работавшей в городе Ненашеве, появилась не сегодня. Это учебное заведение действовало больше года. Отрывочные сведения о нем поступали в советские компетентные органы, но внедрить туда своего человека не удавалось.

Основной контингент курсантов составляли бывшие советские военнопленные, доказавшие свою преданность рейху. Их обучали радиodelу, рукопашному бою, ведению подрывной и пропагандистской деятельности.

Пока немцы наступали, школа клепала диверсантов для заброски в ближний тыл советских войск. Они должны были сеять там панику, уничтожать коммуникации. После неудачи под Москвой и разгрома под Сталинградом характер деятельности школы изменился. Теперь она, как и прочие за-

ведения такого рода, стала работать на будущее. В ней готовили агентуру на так называемое длительное оседание.

Диверсантов немцы тоже продолжали обучать. Но теперь занятия проводились по нескольким дисциплинам, в разных блоках. Курсанты одного такого вот, извините, факультета были полностью изолированы от других.

Руководил школой барон фон Кляйст – пятьдесят пять лет, истинный ариец, потомственный военный, имеющий серьезные связи в Берлине. В контактах с СС не замечен, но для абвера это норма.

Военная разведка, возглавляемая адмиралом Канарисом, держалась подальше от Гиммлера, впрочем, вовсе не по причине своей гуманности. Абвер был таким же врагом, пусть его офицеры и не участвовали в преступлениях против мирного населения.

Немецкая военная разведка имела немалое число сотрудников. Школы абвера работали как в самом сердце Германии, так и на окраинах оккупированных территорий. В том числе здесь, на Смоленщине, где активно ковало кадры заведение под грифом 2-212.

Накануне вечером в штабе армии капитан Саблин имел короткую беседу с начальником контрразведки корпуса полковником Гробовым. Владелец такой зловещей фамилии не был образцом любезности. Вечно мрачный, похожий на Кащея. Он имел неистребимую привычку пронзять собеседника взглядом, вне зависимости от его отношения к этому

человеку.

– Задание ты уяснил, капитан, – заявил он. – Мы не ошибаемся. В Ненашеве действует крот. Если его не выявить, он будет гадить и дальше. Не исключено, что этот тип имеет отношение к школе абвера. Ты обладаешь всеми нужными полномочиями. Не стесняйся командовать людьми, которые старше тебя по званию. Для нашей конторы это нормально. Вторая задача – собрать информацию по барону. Он кладешь ценных сведений как для Гиммлера, так и для нас. Выясни про него все, что только сможешь. Семья, постоянное место жительства и так далее. Дела в абвере идут неважно. Шефу этой конторы, адмиралу Канарису, могут быть предъявлены обвинения в государственной измене. Насколько нам известно, небеспочвенные.

«Газик» снова месил дорожную грязь. На подъезде к Ненашеву солдаты в форме НКВД, но уже настоящие, дважды проверяли документы. Они морщили лбы, вчитывались, сверяли фотографии с лицами предъявителей.

Алексей даже вынужден был приказать одному особо бесполовому солдату вызвать старшего наряда. Тот быстро понял, с кем имеет дело, и попросил прощения за задержку. А когда машина отдалилась, он наверняка устроил своему подчиненному выволочку. Молодая спецслужба быстро набирала вес. В армии ее уже боялись.

Капитан рассматривал грязные улицы, малоэтажные здания, разрушенные через одно. Городок, окруженный лесами,

и до войны не был образцом опрятности, а сейчас стал и вообще унылым и неприглядным. Советская артиллерия обстреливала окраины Ненашева, крошила оборонительные укрепления противника. Кругом чернели остовы сожженных орудий, перепаханые окопы.

Красная армия город не штурмовала. Немцы сами ушли отсюда, просочились как через игольное ушко. В городе стояло до батальона пехоты, находился штаб полка, работал госпиталь.

Два последних учреждения располагались в разных крыльях одного здания, бывшего общежития мукомольного комбината, стоявшего в конце улицы Хлебной. От самого комбината уцелели пара корпусов и вереница складских строений. Небольшой элеватор немцы взорвали.

Перед штабом полка простирался обширный пустырь. Виднелись остатки решетчатой ограды. До войны здесь был городской сквер.

У соседнего крыла царила активность. Там урчали машины с красными крестами, сновали люди в белых халатах. До линии фронта было несколько километров. Попыток ее прорыва немцы не предпринимали, да у них и не вышло бы. Но обстрелы происходили регулярно, отсюда и приток раненых. Санитары таскали носилки, на них покрикивали доктора.

В штабном дворе стояли потрепанные «газики» и полуторка. Солдаты в расстегнутых фуфайках грузили в ее кузов катушки с кабелями.

За углом в крохотном дворике между столбами висело белье. Стройная женщина в кофте и форменной армейской юбке снимала его с веревки и складывала в алюминиевый таз. Она покосилась на подъехавший «газик», нахмурилась. На первый взгляд в ней не было ничего отрицательного – стройная, худощавая, прическа каре. Но взгляд этой дамы был какой-то вызывающий.

В глубине двора находилась одноэтажная пристройка к задней части здания. Там прохаживался часовой. Из-за угла высовывался капот «эмки».

– Ага, наш полковник Борисов тут не один. При нем молодая жена, – пробормотал Левторович.

– Это твои домыслы? – осведомился Саблин.

– Нет, информация, полученная из источника, заслуживающего доверия, – вкрадчиво сообщил командиру оперативник. – Жена не настоящая, а так, военно-полевая. У нее особые взгляды на сей счет, но вряд ли они согласованы с мнением полковника, у которого в далеком Хабаровске осталась полноценная семья. Она не может об этом не знать. Подозрительная какая-то дамочка.

– Не в нашем ли ведомстве работает? – с улыбкой проговорил Алексей.

– До войны трудилась преподавателем в колонии для малолетних преступников, – поведал всезнающий Левторович. – Потом прописалась в действующих частях, там подцепила Борисова. Он воюет давно, прошел ржевскую мясо-

рубку. Ох, какой же был бардак!..

Про ржевскую мясорубку Левторович мог бы и не помнить. Части и подразделения гибли там в полном составе, вместе с командирами. С востока подходили резервы и прямо с эшелонов шли в бой.

С командным составом творилась неразбериха. Органы воинского учета и контроля не справлялись со своей работой. Многих они хоронили заживо, а где-то воевали мертвые души, на которых исправно выписывались паек и денежное довольствие.

Части сплошь и рядом формировались заново. Офицеры туда отправлялись откуда угодно, чуть ли не с других фронтов.

Полк, занявший Ненашев и расползшийся по его окрестностям, был на скорую руку сколочен из разрозненных групп, с бору по сосенке. Офицерский состав комплектовался впопыхах, без особых проверок. Ничуть не удивительно, что командир этого самого полка и проворонил прорыв немцев из окружения. Будь он хоть семи пядей во лбу и настоящий храбрец, но в одиночку много не навоюешь.

Алексей первым выбрался из машины, осмотрелся.

«Что-то не видать комитета по торжественной встрече. А ведь предупреждение о нашем прибытии было сюда отправлено», – подумал он.

Впрочем, нет. С крыльца пристройки скатился невысокий

человек в офицерской форме и зашагал к машине, застегивая на ходу китель. Он был невысок, сравнительно упитан, имел широкую физиономию и отчаянную нехватку волос на голове.

Саблин козырнул первым, как и положено младшему по званию. Потом он показал удостоверение. Мол, к вам не кто-то там приехал, а представители очень серьезной конторы.

Полковник нервно вздохнул. В глазах его блестела какая-то печаль.

– Борисов Николай Петрович, командир полка, – представился он, изучив удостоверение, предъявленное ему.

Алексей протянул руку. На физиономии полковника мигом нарисовалось облегчение. Если бы эти офицеры имели приказ взять его, то их командир не проявил бы такую любезность. Он схватился за протянутую руку, нервно и долго тряс ее, потом опомнился, отпустил.

«Думал, что арест, – догадался Алексей. – Грешок за ним, конечно, знатный. Немцев из кольца выпустил. Хотя вина ли в том лично полковника?»

– Я командую оперативной группой контрразведки СМЕРШ, – сказал Алексей, пряча удостоверение. – Мы прибыли для расследования событий, о которых вы прекрасно осведомлены, Николай Петрович.

– Да-да, меня предупредили. – Полковник приосанился, устыдился своей минутной слабости. – Милости просим, товарищи офицеры.

Женщина на задворках как-то застыла, хоть картину с нее пиши. Она перехватила насмешливый взгляд Алексея, быстро поправила какую-то тряпку, висевшую на веревке, забрала тазик и ускользнула за сарай.

В это время подчиненные капитана Саблина вытащили из-под заднего сиденья «газика» диверсанта Лизгуна. Он был в сознании, но явно не в своей тарелке. Глаза его блуждали.

У полковника отвисла челюсть от изумления.

– Нет, Николай Петрович, – с улыбкой проговорил Алексей. – Это вовсе не похмельный член нашей группы, к тому же страдающий прогрессирующим слабоумием. Мы по дороге подобрали этого фрукта. Он главарь диверсионной группы, заброшенной в наш тыл. Они пытались взорвать мост через Илим, но сегодня оказался не их день. Мост в порядке, группа ликвидирована. Этого господина нужно временно упрятать за решетку в надежном месте. Будем говорить с ним позднее. И чтобы ни один волосок не упал с его головы. Усиленная охрана, никого к нему не пускать! Даже офицеров вашего полка. Тем более их! – с заметным нажимом произнес капитан. – Вы способны справиться с этой несложной задачей?

– Разумеется, товарищ капитан. – Полковник даже обиделся. – Под зданием штаба имеются хорошо оборудованные подвалы. Они нам от немцев достались. Кстати, в тот день, когда мы заняли Ненашев, в штаб полка явился человек, ска-

зал, что он бежал от немцев. Мол, специально согласился с ними сотрудничать, чтобы при первом удобном случае уйти к своим. Божился, что не предатель, хочет искупить свою вину. Учился в местной диверсионной школе, но сбежал из нее, а немцам в суете было не до него. Он тоже сидит в подвале под охраной. Честно говоря, товарищ капитан, мы не знаем, что с ним делать. При штабе имеется своя так называемая оперативная часть, но там люди из разведки, два шифровальщика, офицер особого отдела, надзирающий за благонадежностью военнослужащих.

– Неужели?.. – пробормотал Алексей. – И что за гусь такой?

– Говорит, что был сержантом в РККА, некто Гуляев Глеб Максимович. В плен попал зимой сорок первого под Можайском, сопротивляться не мог, потому что контузило. Год скитался по концлагерям, потом выразил желание сотрудничать с фашистами. Он уверяет, что это была только уловка, чтобы попасть к своим.

– Все они так говорят, – заявил Левторович.

– Не могу знать. – Борисов пожал плечами. – Но все-таки сам пришел, никто его за уши не тянул. Мог бы с немцами бежать или в нашем тылу диверсии устраивать. Возможно, совесть проснулась, вот и записался в перебежчики.

– Ладно, разберемся и с ним, – сказал Алексей. – Пусть сидят в подвале. Никакого контакта друг с другом! Охранять как золотой запас. Где мы можем поговорить, Николай Пет-

рович?

– Так пойдёмте в мою избу, – предложил Борисов. – Анфиса поесть приготовит, баньку натопит. Устали с дороги, да?

Дорогие гости ехидно усмехнулись, а полковник растерялся, не сразу понял.

В одноэтажной пристройке было от души натоплено. Боец-коротышка опасливо поглядел на офицеров, кинул в топку несколько поленьев и испарился.

– Пусть топит, – пробормотал Борисов, снимая фуражку. – Россия-матушка, все такое. Погода переменчивая. Тепло, как говорится, лишним не бывает. Располагайтесь, товарищи офицеры. У меня тут что-то вроде кабинета. Я сейчас распоряжусь насчет...

– Сначала к делу, Николай Петрович, – сказал Алексей. – Никаких посторонних, только вы и наша группа. А все остальное будет потом.

Офицеры расстегнули фуфайки, расселись по лавкам. Борисов спохватился и открыл форточку. Не парная же.

Комната выглядела вполне обжитой. Тут имелись вся необходимая мебель, печка с чугунными конфорками, самовар, какие-то кастрюли, прочая посуда.

Насчет кабинета полковник не особо загнул. В помещении стоял длинный стол для совещаний командного состава. На стене висела карта района, включающая городок Ненашев с обозначением всех улиц и жилых кварталов.

Алексею стало любопытно, он подошел к карте. Она вся была исчеркана пометками, в районе Ненашева истерта почти до дыр. Видимо, эти хреновы полководцы пальцами по ней возили.

Он перехватил ироничный взгляд Левторовича и украдкой посмотрел на полковника. Тот снова не находил себе места, волновался.

Состояние этого человека нетрудно было объяснить. Война с фашистами – чепуха. Куда страшнее попасть в немилость к своим.

Карта была из старых запасов – геологическая, со всеми топонимами и высотными отметками. Южнее лесного массива, к югу от Ненашева – деревня Коптянка. За ней река Илим, протекающая с востока на запад. Дорога вдоль Илима, село Мокрушино. За ним холмистая местность, где полегла штрафная рота капитана Суворова.

Линия фронта осталась там же, где и была четыре дня назад. Она проходила верстах в шести к западу от Ненашева.

Разведка у немцев работала, поэтому сам городок из орудий они не обстреливали. К весне сорок третьего швыряться снарядами туда, где нет важных объектов, для них стало накладно. Штаб полка не в счет. Попробуй попасть в него.

Противник еще не надорвался, но к тому шло. Промышленность перегрелась, снабжение не поспевало, ощущалась нехватка боеприпасов и тяжелого вооружения. Немцы били из орудий по позициям советских войск, да и то нечасто.

Ненашев, окруженный лесами, даже не был райцентром. Тот находился в Бутове, южнее. Весь городок состоял из нескольких улочек, застроенных в основном маленькими частными домами.

Из промышленных предприятий к концу германской оккупации признаки жизни подавали лишь консервный завод и мастерская, где изготовлялись гробы. Она даже процветала. Здания бывшего горсовета, местного отделения НКВД – все, что в городе было построено на совесть, – использовалось немцами под комендатуру, военный штаб, полицейские участки.

Отворилась задняя дверь. В комнату вошла женщина, которую уже все видели. Взоры офицеров устремились на эту представительницу прекрасного пола. Такова природа! Даже на смертном одре мужчина будет оценивать женщину. Она причесалась, накрасила губы, смотрелась эффектно.

Эта женщина даже чем-то напомнила Алексею сотрудницу ЧК Риту Устинович из романа «Как закалялась сталь», который публиковался в журнале «Молодая гвардия». Впрочем, данная особа была постарше. Она улыбалась, но поглядывала настороженно. Волевой подбородок, морщинки в уголках глаз и рта.

– Коленька, товарищи, наверное, чаю хотят попить. У нас есть сушки, баранки, ватрушки.

– Анфиса Павловна, не сейчас, – сказал Борисов и недовольно поморщился. – Дайте нам с товарищами поговорить,

если несложно.

– Коленька, да разве же так можно? – Женщина всплеснула руками. – Ведь товарищи устали, голодные. Я сейчас согрею, все принесу.

– Анфиса Павловна, вы не поняли? – резко бросил Борисов и устремил на свою зазнобу тяжелый взгляд. – Пожалуйста, выйдите и больше не появляйтесь, пока вас не пригласят. У нас с товарищами важный разговор.

Женщина поежилась и вышла из комнаты. Перед этим она одарила своего сожителя тяжелым взглядом, суть которого Саблин понял правильно. Да, каждый человек – хозяин своей судьбы. Пока не встретит хозяйку.

Борисов смущенно перебирал на столе какие-то папки, кусочки рафинада, выпавшие из упаковки. По-видимому, он считал, что его женщина не отличалась большим умом. Хотя как сказать.

Алексей поднялся, на цыпочках дошел до задней двери, взялся за ручку и резко распахнул створку. Вопреки его ожиданиям в узком пространстве никого не оказалось. Женщина ушла. Значит, есть у нее какие-то мозги. Он закрыл дверь и вернулся на место.

– Анфиса Павловна не будет подслушивать, – проворчал Борисов, борясь с румянцем на щеках. – Она благоразумная женщина, никогда не сует свой нос в чужие дела.

Офицеры заулыбались, чем окончательно вогнали полковника в краску. Он скрипнул зубами. Если бы эти ехид-

ные типы не представляли контрразведку СМЕРШ, структуру совсем новую, но уже вызывающую дрожь в коленках, то всыпал бы им по первое число!

– Ладно, это ваша личная жизнь, Николай Петрович, – миролюбиво заметил Саблин. – Дело добровольное, законом не порицаемое. Лишь бы оно не мешало исправному несению службы. Вы бы тещу сюда еще привезли, – не удержался он.

Казначеев отвернулся и прыснул. Шутка с бородой. Почему женщины живут дольше мужчин? Потому что у них тещ нет! Впрочем, не самая удачная хохма для военного времени.

– Товарищ капитан, я бы вас попросил!.. – Полковник тоже не удержался. – Это мое личное дело. Вы правильно заметили, законом и уставами не запрещается. Анфиса Павловна – несчастная женщина, она много пережила. Я в курсе, что у меня за спиной ведутся разные похабные разговоры на ее счет.

«Чему имеются основания, – подумал Алексей. – Учитывая наличие законного семейства в Хабаровске. Идиотская мысль!.. Если у Анфисы Павловны имеются серьезные чувства к Борису, то на кой ляд ей нужно окончание войны?»

– Как долго вы знаете Анфису Павловну, товарищ полковник? Прошу понять меня. Это вопрос не личный, а чисто рабочий.

– Больше двух лет, – ответил Борисов. – Анфиса Павловна до войны работала в системе ГУЛАГ, была учительницей

у малолетних преступников, зарекомендовала себя с самой лучшей стороны. Она ответственная, очень чутко относится к людям. Если они, конечно, не враги нашей Родины. Да, порой она не понимает простых вещей. Мне приходится повторять дважды. Мы познакомились под городом Калинином в октябре сорок первого. Немцы наступали, она вывозила своих подопечных, а мой батальон в это время сдерживал прорвавшихся фашистов. Анфиса Павловна в том бою вела себя героически. Она на моих глазах застрелила из пистолета двух немецких солдат, а потом вытаскивала меня, контуженного, из-под рухнувшей балки. Давайте называть вещи своими именами, товарищи офицеры. – Борисов заметно осмелел. – Если вы в чем-то подозреваете эту женщину, то просто теряете время. После октября сорок первого у нее не было возможности контактировать с неприятелем, уж поверьте. Да и раньше таковой тоже не имелось.

Полковник настороженно смотрел на дорогих гостей. Что на уме у этих ребят из контрразведки? Сейчас их интересует реальный враг? Или как всегда?

Интуиция подсказывала капитану, что дамочка не при делах. Можно сколь угодно рассуждать и фантазировать о женщинах-шпионках, но в реальной жизни такое случается редко.

Самого полковника Алексею тоже подозревать не хотелось. Человек боевой, не раз кровью умытый. Разве что случайно допустил слив информации. Но рядом с ним был че-

ловек, который этим воспользовался.

– Хорошо, товарищ полковник, – согласился Саблин. – Отныне все вещи будем называть своими именами. Диверсанты в последнее время вас не тревожат?

– Бог миловал, – сказал Борисов и смутился.

Ох уж этот великий и могучий русский язык, в котором к месту и не к месту упоминается Всевышний.

– Как налаживается в городе мирная жизнь?

– Всего три дня прошло. – Борисов усмехнулся. – Сами можете себе представить. К работе приступила комендатура. Капитан Левитин командует парадом. Прибыл товарищ Пастухов из Калинина. Будет восстанавливать горком и поднимать народное хозяйство, разрушенное войной. Коммунистов в городе, сами понимаете, не осталось. Немцы их уничтожили. В городе сейчас три с половиной сотни жителей. Люди гибли под бомбежками еще в сорок первом, других немцы расстреляли, третьих в Германию на работы угнали. Многие в эвакуации. С таким количеством рабочей силы восстанавливать хозяйство будем долго, но уже начали. Проводим электричество на важные объекты, чистим замусоренный водопровод, разбираем завалы. За снабжение населения продуктами пока отвечают военные. Особый отдел при комендатуре приступил к работе. Местные жители еще в первый день сдали пособников фашистов, которые остались в городе, рядились под нормальных людей. Трое в полиции служили, столько же в заготовительной конторе, которая у

людей продукты отнимала. Всю компанию вывели в лес и расстреляли. В Бычьей балке за северной околицей братскую могилу обнаружили. В ней не меньше пятисот тел. Вонь там стоит страшная. Люди рассказывали, что сначала немцы евреев стреляли, которых до войны в городке хватало, потом пленных красноармейцев, не способных работать. Дальше они уже хватали всех подряд – подростков, мужчин призывного возраста.

– Вы в курсе, что в Ненашеве действовала школа абвера по подготовке диверсантов?

– Да, на Школьной она находилась, – сказал Борисов. – Показывали знающие люди. Нет там уже ничего. Немцы сами все пожгли из огнеметов. В подвалы взрывчатку заложили и грохнули. Немцы школу закрыли за неделю до нашего наступления. Персонал и курсантов увезли в неизвестном направлении, часть документации сожгли, остальное вывезли.

– Штрафная рота капитана Суворова, погибшая во время прорыва немцев, кому подчинялась? Вам?

– Что вы, нет, – решительно проговорил Борисов. – Штрафная рота находилась в подчинении штаба дивизии. Ее из Черного Яра пригнали, как радиogramму получили. Бросили на высоту, чтобы немцам дорогу перекрыла. Там она вся бездарно и полегла под пулеметами. А в ней было двести тридцать душ.

– Ладно, перейдем теперь к нашему делу, Николай Петро-

вич. – Саблин поднялся, чтобы размять ноги. – Анализ сложившейся ситуации позволяет предположить, что в штабе вашего полка действует крот, передающий немцам информацию. Спорить не советую. Ваше мнение в этом вопросе учитываться не будет. Немцев заперли в Ненашеве тринадцатого апреля. В основном это сделала ваша часть, усиленная перед наступлением. На прочих участках немцы отходили организованно. Они закрепились, выровняли линию фронта. Здесь же у них получился выступ, который мы и срезали, а потом неделю давили артиллерией все их попытки вырваться из котла. На участке к югу от Ненашева стоял стрелковый батальон...

– Это не мой, – угрюмо вставил Борисов.

– Тем не менее его временно придали вам. Командир – майор Корбин, если не ошибаюсь. Четыре сотни бойцов надежно прикрывали проблемный участок, имели на вооружении достаточное количество пулеметов и противотанковых ружей. Заслон почти железный. Поздно вечером двадцать седьмого апреля он был снят с позиций. Южное направление практически оголилось. Почему?

– Мы получили приказ из штаба дивизии, – ответил Борисов. – Батальон должен был срочно прикрыть участок фронта южнее Бутова. Там назревала нездоровая активность немецкой бронетехники. У батальона же имелось двадцать противотанковых ружей. В штабе решили, что немцы собираются в контратаку. Предположение не подтвердилось, но

кто же знал? Нас уверили, что это на несколько часов. На подходе два свежих стрелковых батальона, сформированных в Костроме, которые и заткнули дыру. Мол, если отвести солдат скрытно, то немцы не заметят и не успеют среагировать. Пусть видят фанерные муляжи. Они введут противника в заблуждение.

– Вам приказали перебросить именно это подразделение?

– Нет, на мое усмотрение. Но этот батальон находился ближе всего к месту новой дислокации, поэтому мы решили задействовать его.

– Вы лично принимали решение?

– Нет, что вы, – с испугом заявил полковник. – В двадцать два часа было проведено штабное совещание, на котором мы рассмотрели все возможные варианты и выбрали оптимальный.

– Где проходило совещание?

– В селе Покровка. Посторонних не было. Это совершенно точно. Комната для совещаний охранялась. Подслушать нас никто не мог.

– Понятно, – сказал Саблин. – Вы рассмотрели варианты и выбрали оптимальный, решили отвести с позиций батальон майора Кобрин и отправить его марш-броском на проблемный участок передовой. В районе полуночи позиции у Коптянки практически опустели. Через пять часов немецкий ударный кулак вырвался из леса и ударил именно туда, куда и следовало. За ним в прорыв устремилось все, что томилось

в окружении, включая штаб немецкой пехотной дивизии.

– Могла сработать их разведка, – робко возразил Борисов.

– Могла, но плохо сходится, – заявил Алексей. – Допустим, немецкие разведчики что-то обнаружили, лежали в кустах, наблюдали. Им нужно было убедиться в том, что уйдет весь батальон, потом вернуться назад, доложить начальству. На это тоже нужно время. Теоретически возможно все, но в реальности немцы никак не успели бы собрать ударную группу, подготовиться к эвакуации. Лично мне по душе другая версия. В двадцать два тридцать по итогам совещания принимается решение. Не позднее двадцати трех немецкий агент уже шлет своим хозяевам радиограмму. Мол, батальон снимается с позиций. До восьми утра есть возможность провести операцию. Потом дыру опять заткнут. У немцев есть три дополнительных часа. Они работают организованно, слаженно и перед рассветом наносят неожиданный удар.

– Вы хотите сказать, что среди моих офицеров затесался предатель? – Полковник поежился. – Но все, что было сказано на совещании, являлось строжайшей тайной.

– Вот вы сами и ответили на свой вопрос, – проговорил Саблин. – Не знаю насчет предателя, товарищ полковник. Это может быть профессиональный вражеский разведчик, имеющий в укромном месте рацию, для которой восемь верст дистанции – сушая чепуха. Скорее всего, он изображает советского офицера.

– Поправку разрешите, товарищ капитан, – подал голос

Левторович. – Соглашусь, что это офицер. Он имеет свободу передвижений как минимум по данному населенному пункту. Но это не может быть офицер из боевого подразделения. Только штабист, связист, сапер. Что-то в этом роде.

– Да, разумеется, – согласился Саблин. – Так у него есть вероятность, что он не будет переброшен куда-то еще. Тогда вторая поправка. Данный субъект для вас фигура новая. Вы не можете долго его знать.

– Господи, да полк после Ржева был сформирован из кусков, офицеров собирали с бора по сосенке! – в сердцах воскликнул Борисов. – Особый отдел их даже не проверял, не до того было. Занимай должность и тащи свой воз.

– Оглашайте список, Николай Петрович. Кто из офицеров присутствовал на вашем скоротечном совещании? Вы должны это помнить.

– Конечно, помню, – заявил Борисов. – Начальник штаба полка майор Шевенко Александр Елизарович. – Он начал загибать пальцы. – Его заместитель, начальник строевой части капитан Кондратьев Дмитрий Олегович. Начальник службы вооружения капитан Рожнов Алексей Константинович. Мой заместитель по политической части майор Костин Евгений Романович. Капитан Чаплыгин Борис Аркадьевич, командир роты связи. Капитан Вахновский, особый отдел. Без него, увы, никак. Георгий Свиридович, кажется. – Пальцев не хватило, полковнику пришлось задействовать вторую руку.

– Шестеро, – резюмировал Саблин.

– К сожалению, уже пятеро, – сказал Борисов. – Начальник штаба майор Шевенко погиб позавчера. Он с представителем штаба дивизии выехал на передовую. «Виллис» попал в засаду. Второго офицера ранили, Александр Елизарович бросился его вытаскивать, попутно отстреливался. Их обоих убил немецкий снайпер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.